

Значну роль у поширенні тематики та підвищенні ефективності наукової роботи інституту зіграв його директор академік Олексій Олександрович Корж, який надавав великого значення розвитку фундаментальних досліджень.

В 60–80-і роки XX ст. наукова тематика інституту відрізнялась різноманітністю та проблемністю. За ініціативою академіка О.О. Коржа вперше в СРСР було запропоновано і впроваджено експрес-протезування на операційному столі після ампутації кінцівки [6, с. 152], були розпочаті експериментальні дослідження сучасних біоматеріалів (корундова кераміка, сапфіри, вуглець) для застосування при реконструктивно-відновних операціях на суглобах і хребті, продовжені дослідження з проблем регенерації кісткової тканини, біомеханічні дослідження та інші [7, с. 93, 94]. В цей період в інституті проводились дослідження з проблем ендопротезування суглобів, були розроблені нові конструкції кульшового суглоба, виконані перші операції ендопротезування кульшового суглоба [8, с. 42, 43], були розроблені нові методи хірургічних втручань при пошкодженнях і захворюваннях опорно-рухової системи, відокремились і значно розвинулись такі наукові напрями, як вертебрологія, ортопедична артродіагностика та ортопедична онкологія.

Завдяки самовідданій роботі декількох поколінь вчених Інститут став визнаним науковим центром досліджень патології хребта і суглобів.

Література

1. Центральний державний історичний архів України, м. Київ (ЦДАКУ України), ф. 2161, оп. 1, стр. 26, арк. 21.
2. Костриков В. С. Краткий очерк истории Украинского научно-исследовательского института ортопедии и травматологии имени проф. М. И. Ситенко (1907–1957 гг.) / В. С. Костриков // 50 лет научной, лечебной и организационной деятельности Украинского научно-исследовательского института ортопедии и травматологии им. проф. М. И. Ситенко (1907–1957 гг.). – Киев: издательство «Здоровье», 1964. – С. 9–39.
3. Исторический очерк об Институте патологии позвоночника и суставов имени профессора М. И. Ситенко АМН Украины К 100-летию со дня основания / Н. А. Корж, Д. А. Яременко, В. Б. Таршис [и др.]. – Харьков: ИППС им. проф. М. И. Ситенко, 2007. – 214с.
4. Шкуров Б. И. Характеристика научной деятельности института // 50 лет научной, лечебной и организационной деятельности Украинского научно-исследовательского института ортопедии и травматологии им. проф. М. И. Ситенко (1907–1957 гг.) / Б. И. Шкуров. – Киев: издательство «Здоровье», 1964. – С. 39–46.
5. Центральний державний архів вищих органів влади управління України (ЦДАВО України), ф. 342, оп. 3, стр. 4936, арк. 34.
6. Дынник А. А. Вклад академика А. А. Коржа в развитие протезирования – взгляд с позиций сегодняшнего дня (о проблеме, юбилее, его учителях, соратниках, учениках и творческом наследии) / А. А. Дынник // Алексею

Александровичу Коржу – 85. Жизнь и творчество нашего кумира: [под ред. проф. Л. Д. Горидовой]. – Харьков: ТОВ «Обериг», 2009. – С. 143–160.

7. Делух Н. В. Академик Алексей Александрович Корж в развитии фундаментальных исследований в ортопедии и травматологии / Н. В. Делух // История института. Воспоминания о людях, судьбах, временах... : [под ред. Н. А. Коржа]. – Харьков: Прапор, 2007. – С. 93–96.

8. Филиппенко В. А. Роль академика А. А. Коржа в становлении и развитии отечественной ортопедической артродіагностики / В. А. Филиппенко, В. А. Таньют // Алексею Александровичу Коржу – 85. Жизнь и творчество нашего кумира: [под ред. проф. Л. Д. Горидовой]. – Харьков: ТОВ «Обериг», 2009. – С. 40–43.

Прошин Д.В.,

доцент, к.и.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-политических наук
Днепропетровского университета экономики и права

Украина, г. Днепрпетровск

Изучение истории освоения космоса: американский опыт

Полувековой юбилей первого пилотируемого космического полёта даёт пусть и формальный, но всё же достаточно весомый повод обратиться к вопросам сохранения памяти о космических достижениях человека, а также к вопросам изучения истории космических программ. С точки зрения масштабности и последовательности подхода к решению всех этих вопросов, изучение истории национальной космической программы США, безусловно, представляет собой беспрецедентный случай.

Практически с самого момента принятия космической программы закона об авионавтике и исследовании космического пространства, ставшего фундаментом космической программы США, исследования, предпринимаемые американским правительством в этой области, чётко разделены на два сектора – гражданский и военный. Космическая программа оборонного и разведывательного назначения подчиняется всем требованиям секретности, и доступ к информации в этой области так же затруднён, как и в других областях оборонных усилий. С другой стороны, гражданская космическая программа, основная часть которой находится в ведении Национального управления по авионавтике и исследованию космического пространства (НАСА), может служить уникальным образцом открытости. Закон 1958 г. обязывает национальное космическое ведомство США «обеспечивать максимально возможное распространение информации о его [НАСА] деятельности и достигнутых результатах» [1]. По оценке профессора Джона Логсона, возглавляющего Институт космической политики при Университете им. Джорджа Вашингтона, ни в

Apollo или «Пилотируемые полёты: Проекты “Меркурий”, “Джемини” и “Аполлон”»).

В семь томов этого уникального собрания включено более 2000 документов, и хотя во вступлении к первому тому авторы-составители оговариваются насчёт того, что немало документов, относящихся к раннему этапу эволюции американской космонавтики (до 1963 г.) было *рассекречено* в процессе подготовки семитомника, абсолютное большинство материалов тем не менее изначально находилось в открытом доступе (в первую очередь в Коллекции исторических источников НАСА в штаб-квартире космического ведомства, расположенной в Вашингтоне).

Безусловно, подобная открытость американской гражданской космической программы объясняется не только или даже не столько бескорыстной заботой о нуждах нынешних и будущих поколений историков. Как известно, американская космонавтика зародилась в атмосфере так называемой «космической гонки», советско-американского соревнования за первенство во всех видах ракетно-космических исследований. Настроение конца 1950 – начала 1960-х гг. точно передают слова Линдона Джонсона – сенатора, а впоследствии – вице-президента и президента США, известного своей решительной поддержкой американских космических начинаний. В одной из своих речей, желая недвусмысленно отметить важность космических исследований, Джонсон сказал: «В глазах всего мира первый в космосе значит первый во всём. Точка. Второй в космосе – второй во всём» [цит. по: 5, Р. 1025]. В свою очередь президент Джон Кеннеди, пришедший к власти в «тандеме» с Джонсоном, провозглашая в 1961 г. начало лунного проекта «Аполлон», заявил на совместном заседании палат Конгресса: «Ни один из космических проектов [осуществимых в настоящее время] не произведёт большего впечатления на человечество» [цит. по: 6, Р. 303]. С этой точки зрения, как можно более широкое оповещение мировой общественности о космических успехах представляло собой важнейшую *политическую* задачу.

Советское руководство со своей стороны также придавало особое значение распространению информации о достижениях советской космонавтики, однако действия СССР в этом направлении носили отнюдь не общий характер: закрытость советского государства и по сути являлись серьёзным препятствием для широкого обмена «спектаклей» с дозированной выкладкой лишь тех фактов, которые укладывались в тщательно спланированную картину непрерывных успехов СССР в освоении космоса. Разумеется, такое положение дел не шло ни в какое сравнение с принципиальной установкой на практически абсолютную открытость американской гражданской космонавтики – и в том, что касалось её побед, и в том, что касалось неудач, насколько серьёзными они ни были бы. И в

одной другой области, кроме американской гражданской космонавтики, историк, занимающийся изучением масштабных научно-технических проектов, не сможет опереться на столь доступный массив практически исчерпывающих сведений [2, Р. 81].

Начиная с 1958 г. в структуре американского космического ведомства действует *NASA History Office* (Управление исторических исследований НАСА), в числе наибольших заслуг которого – регулярная публикация материалов, освещающих различные этапы и направления гражданских космических исследований, осуществляемых США, а также выпуск монографий, посвящённых отдельным космическим проектам, как имевшим большой резонанс (прежде всего это, разумеется, лунный проект «Аполлон» 1961-1972 гг.), так и более «скромным». Также публикуются исследования, авторы которых ставят перед собой задачу комплексного анализа эволюции американской космонавтики. (Естественно, в настоящее время результаты многих исследований, осуществлённых под эгидой Управления, доступны в электронном виде на его сайте [3].)

Особого упоминания заслуживает совместное начинание НАСА и вышеупомянутого Института космической политики – многолетняя работа по изданию правительственных документов, относящихся ко всем без исключения областям американской гражданской космонавтики (*Exploring the Unknown* или «Исследуя неизвестное» [4]). Символично, что семитомник *Exploring the Unknown* был посвящён памяти Юджина Эмме (1919-1985 гг.) – «первого историка НАСА», а иными словами – первого руководителя Управления исторических исследований НАСА (занимавшего этот пост с 1959 по 1978 г.).

Начиная с 1995 г. было выпущено семь томов (последний – в 2008 г.) с источниками, поочерёдно раскрывающими: особенности американской организационной и управленческой «политики» в области космических исследований (*Organizing for Exploration* или «Организация исследований»); специфику взаимодействия НАСА с другими ведомствами, также участвующими в космических исследованиях (*External Relations* или «Внешние связи»); особенности американского подхода к прикладному использованию космической техники и результатов космических исследований (*Using Space* или «Использование космоса»); детали разработки и использования космических транспортных систем (*Accessing Space* или «Проникновение в космос»); задачи и достижения научного исследования дальнего космоса, равно как и использования космической техники для исследования Земли (*Exploring the Cosmos* или «Исследование космоса», а также *Space and Earth Science* или «Научные исследования космоса и Земли»); и, наконец, основные этапы реализации пилотируемых проектов (*Human Spaceflight: Projects Mercury, Gemini, and*

грандиозен, что умы, питающие слабость к щекоющим воображение заговорщическим схемам, кажется, просто не могут справиться с такой нагрузкой и без сопротивления соскальзывают в область интриг, закулисной манипуляции общественным мнением и пр.

Само собой разумеется, здесь не место для детального анализа и опровержения конспирологических измышлений. Они упомянуты главным образом для того, чтобы продемонстрировать: даже в обстановке абсолютной открытости сохраняется некоторая доля вероятности того, что отражение космических достижений в памяти новых поколений и оценка этих достижений будут искажены *как минимум* по причине нездоровой тяги к сомнительным сенсациям, по причине поверхностности, недисциплинированности полуобразованных умов. Без систематических же усилий со стороны сотрудничающих друг с другом историков и руководства космических программ вероятность столь неблагоприятного развития ситуации заметно возрастает.

Таким образом, изучение истории космонавтики помимо своей академической важности приобретает ещё и значение просветительское, так сказать, *интеллектуально-гигиеническое* (в смысле борьбы с загрязнением интеллектуальной сферы разного рода фантомами). И американский опыт изучения истории национальной космической программы, несомненно, в любом случае представляет исключительную ценность. Если не по причине борьбы с измышлениями «теоретиков заговора», то в интересах развития отечественной исторической науки и сохранения памяти об участии украинских специалистов в освоении космоса следовало бы со всей серьёзностью подойти к использованию этого опыта.

Литература

1. <http://history.nasa.gov/spaceact.html>
2. Lapsdon J. Opportunities for Policy Historians: The Evolution of the U. S. Civilian Space Program // A Spacefaring People: Perspectives on Early Spaceflight / A. Roland, ed. - Wash., D. C.: NASA, 1988. - P. 81-107.
3. <http://history.nasa.gov>
4. Exploring the Unknown: Selected Documents in the History of the U.S. Civil Space Program. In 7 vols. / NASA. - Wash., D. C., 1995-2008.
5. McDougall W. Technocracy and Statecraft in the Space Age - Toward the History of Ballation // American Historical Review. - 1982. - Vol. 87, N 4. - P.1010-1040.
6. McDougall W. ...The Heavens and the Earth: A Political History of the Space Age. - N. Y.: Basic Books, 1985. - 464 p.

наши дни, многие годы спустя после распада СССР, изучение истории космической программы СССР чрезвычайно затруднено из-за дефицита открытых, систематизированных, надлежащим образом изданных материалов. (Не говоря уже о том, что по крайней мере частично это обуславливается и постсоветской практикой, продолжающей не лучшие традиции прошлого: многие архивные материалы всё так же недоступны.)

Нужно отметить, что интересы самого СССР пусть и не фатально, но страдали порой от подобной закрытости. В первую очередь это проявлялось в том, что секретность вокруг советских космических проектов не только держала в напряжении американское руководство (особенно в начале «космической гонки») вынужденное гадать, опережает ли СССР Америку, но и давала повод обвинять СССР в недобрых замыслах, в намерении милитаризировать космос и пр. Учитывая, что США и сами не упускали ни одной возможности использовать космос в военных целях, можно сказать, что, устанавливая строгий режим секретности в гражданской космонавтике, СССР давал своему конкуренту неоправданное пропагандистское преимущество. Кроме того, секретность вокруг советских космических исследований создавала почву для всякого рода спекуляций относительно подлинности той информации, которой СССР решал поделиться с миром. Широко известен пример с упорно циркулирующими слухами о гибели некоего «первого советского космонавта», якобы полетевшего в космос до Юрия Гагарина. (В действительности же те доносившиеся с околоземной орбиты звуки бьющегося сердца, которые поймали итальянские радиолокаторы, были всего лишь магнитофонной записью, с помощью которой проверялась работа систем связи корабля «Восток».) Менее известны одно время обсуждавшиеся подозрения насчёт первого выхода человека в открытый космос. Своими деталями эта история, конечно же, отличается от мрачных фантазий по поводу «предшественника» Гагарина, однако основанием для подозрений в обоих случаях являлась непрозрачность советской космонавтики (помноженная на сенсационность её успехов - успехов страны, которой незадолго до этого в США отказывали (впрочем, не совсем обосновательно) в способности изготовить «приличную шариковую ручку»).

Приходится признать, однако, что беспрецедентная открытость всё же не полностью защитила космическую программу США от обвинений и подозрений. Речь о конспирологических гипотезах, выдвигаемых теми, кто утверждает, что высадки американских астронавтов на Луну (1969-1972 гг.) были не более чем дорогостоящей высокотехнологичной мистификацией. Как и в случае с советскими успехами в космосе, обвинения в адрес американского правительства и в частности НАСА во многом обусловлены самим масштабом достижений. Успех *столь*